

Хроники Шёлкового пути

Пекин, Шанхай и Гуанчжоу в новом китайском открытии

Приветствуя в Пекине американских должностных лиц, Дракон отправил смешанные сигналы группам интересов и политическим течениям, которые пересекают империализм. В июне с визитом Энтони Блинкена возобновился проходящий под знаком взаимного недоверия диалог на высоком уровне. Трудно сказать, возобладают ли *«противотечения, возникшие на стороне США»*, пишет *Global Times*. Следом в Китай отправилась Джанет Йеллен, чей макроэкономический прагматизм считается более *«восприимчивым к голосам американского предпринимательского сообщества [...] которое является действительной частью американского общества»*. Тем временем Пекин объявил о новых мерах контроля за экспортом металлов галлия и германия, необходимых при производстве микрочипов; с их помощью Китай готов поставить под угрозу интересы Европы и Японии, если они присоединятся к американским шагам по технологическому отвержению. Это педагогический превентивный удар, который должен *«заставить задуматься»* как союзников США, так и делегации крупных американских, европейских и японских групп, вновь устремившихся в Китай после пандемии.

Наконец, в Пекине приняли Генри Киссинджера как почтенного пионера *«китайской партии»* в Америке и мирового авторитета в *«концепции баланса сил»*. С точки зрения Сунь Чэнхао из Университета Цинхуа в Пекине, *«в американских стратегических и академических кругах [есть] несколько рациональных голосов»*, которые следует учитывать, *«чтобы оказать определённое влияние на правительство»*. По мнению Чжэн Юннэня из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне, американская политика разделена по вопросу о Китае, но психологический климат антикитайских паники и злости подпитывает себя злостью в СМИ и электоральных кампаниях.

Пекин тоже обращается к балансу

Чжэн не разделяет страх Киссинджера, коренящийся в европейском историческом опыте, что Соединённые Штаты и Китай скатятся в войну *«через пять-десять лет, если продолжится нынешняя тенденция»*. Тем не менее он понимает предложение того, чтобы военное применение искусственного интеллекта легло в основу крупных стратегических переговоров двух новых сверхдержав, поскольку лишь экономическая почва впредь слишком зыбка, чтобы гарантировать *«восстановление баланса»* согласно киссинджерской концепции.

Цзинь Цаньжун, ректор школы международных отношений при Китайском народном университете в Пекине, считает нынешнее смягчение трений *«техническим и тактическим, а не структурным и стратегическим»*. Целью Блинкена было воспрепятствовать *«духовному упадку»* отношений, но, со стратегической точки зрения, началась *«игра века»*, поскольку США не могут принять китайское восхождение и *«считают, что способны ему помешать»*.

Цзинь считает, что Китай ещё не ответил на *«новую холодную войну»*, начатую США, и *«в действительности не сильно увеличил военные расходы»*. Примечательно, что даже эта пекинская школа реализма разделяет с другими китайскими течениями внимание к остаточному *«пространству для работы»* с американской метрополией: от *«несотрудничества»* некоторых крупных групп с администрацией Байдена, *«неэффективной»* мобилизации Европы и до неприятия создания *«блоков»* на так называемом *«глобальном Юге»*.

Вооружённый оптимизм Шанхая

Чжан Вэйвэй, старейшина китайской исключительности в шанхайском Университете Фудань, считает себя *«всегда несколько больше оптимистом, чем господин Цзинь»*. Реакция Америки на Китай пройдёт путь от *«отвержения»* к *«противостоянию»*, затем к *«частичному принятию и готовности договариваться»* и, наконец, к *«принятию»*. Торговая война Дональда Трампа провалилась, технологическая война Джо Байдена также обречена на провал, США придётся договариваться; Штаты должны будут сесть за стол переговоров. Чжан считает, что США лишь *«чищают пистолеты»*, но *«может последовать и выстрел»*. Потому Китай должен сохранять адекватное военное сдерживание.

По словам бывшего редактора *Global Times* Ху Сицзиня, США «*придётся*» смириться с возвышением Китая посредством «*долгой игры*». Пекин располагает богатым историческим опытом и политическими качествами, которыми не обладали другие развивающиеся державы, но так или иначе решающим будет «*баланс сил*». «*Глобальная мощь*» Штатов превосходит китайскую, но Пекин уже обеспечил себя потенциалом, достаточным для защиты собственных «*основополагающих интересов*» и для устрашения США в «*ближних водах*». Пекин не возьмёт на себя военную инициативу, «*так как она была бы безуспешна*», но может заставить Вашингтон осознать, что цена военных действий в Южно-Китайском море или Тайваньском проливе будет слишком высока. Следовательно, нужно «*постепенно изменять общий баланс сил*», ведь Китай – это ядерная держава, его конвенциональная военная сила продолжает расти, и потенциал развития Поднебесной превышает американский.

Гуанчжоу как “третья сила”

Чжан Вэйвэй отрицает, что Пекин должен проводить «*политику баланса*», но, по сути, описывает один из вариантов этой политики. По его мнению, в отличие от США, фактических наследников британской политики *разделяй и властвуй*, Китай проводит свою державную политику, «*поощряя единство*». После второй мировой войны Штаты поддерживали Европу разделённой, пользуясь противостоянием с СССР, влезали в трещины на Среднем Востоке и вели свою игру в Азии, Китай, наоборот, поддерживает «*европейскую интеграцию*», сближает Иран и Саудовскую Аравию и «*впервые в современной истории*» предлагает себя Европе как посредника между Россией и Украиной.

Чжан не скрывает, что у Дракона есть когти, и считает, что Китай держит первенство «*в сверхзвуковых ракетах, стелс-истребителях, крупных эсминцах, противовоздушных вооружениях и ракетах средней дальности*». Однако политическим оружием являются и «*созидательные способности*», которые китайская дипломатия может использовать, «*теоретически везде*», где США сеют «*раздоры*», сопротивляясь собственному относительному упадку, в новом противостоянии за влияние на Европу, Азию и восходящие державы.

Наконец, Чжэн Юннэнь также видит пространство для переговоров с США в развитии «*третьих сил*»: «*ЕС пытается добиться определённой стратегической автономии, а АСЕАН продемонстрировал, что не хочет занимать позицию*». Чжэн считает, что Китай «*может стать опорой для тех, кто в мире предпочитает оставаться “третьей силой”¹*» – формула, которая ловко оставляет в тени восхождение Дракона до статуса “второй” державы.

Подтверждение империалистической политики “открытых дверей”

Обзор СМИ и источников Северного Китая, школ мысли Шанхая и журналов Большого залива Гуандуна подтверждает, что линия *империалистического открытия* Китая является одной из преобладающих. Ключевые зоны Дракона обращаются к крупным группам других метрополий, чтобы обусловить политические реакции их государств. Они дозируют открытость китайского рынка и требования “открытых дверей” на мировых рынках, хотя и ставят различные акценты в отношении степени автономного действия, внимания к политическому централизму и общим стратегическим отношениям. Между тем Пекин намекает и на более жёсткие меры в отношении редких металлов.

Три старейшины из Пекина, Шанхая и Гуанчжоу в своих текстах регулярно обращают внимание на крупные американские группы, Европу и “глобальный Юг”. Но в отношении степени самостоятельности, которой может достичь Европа, есть и своего рода ожидание, если не сказать разочарованный реализм. Об этом напоминает Чжан, сравнивая многовековую британскую политику поддержки «*более слабых*» держав против гегемонистских попыток Испании, Франции и Германии с XVI по XX век с исторической поддержкой Китаем европейского процесса, призванной уравновесить «*гегемонию*» Соединённых Штатов.

На данный момент гипотеза о том, что Токио присоединится к Европе в деле перековки американских толчков в «*настоящий мультилатерализм*», похоже, больше не упоминается в дебатах. В китайской прессе не запущена серьёзная кампания против японского перевооружения, а *Global Times* по-прежнему очень внимательна к «*рациональным голосам*»,

которые могут «помочь Японии протрезветь». По словам Лю Цзяньюна, вице-ректора возглавляемого Янь Сюэтуном Института современных международных отношений в Университете Цинхуа, «поворот» в политике безопасности Токио серьёзно навредил отношениям с Пекином, однако «экономическое сотрудничество с некоторыми европейскими странами в рамках Шёлкового пути» может снова «заставить Японию задуматься». Лу Яодун из Академии общественных наук даже усматривает в перевооружении Токио рычаг относительной автономии от США. Гуо Сяобин из CICIR считает, что больше нельзя исключать возможность обретения Японией ядерного оружия.

Новые сферы влияния

Что касается борьбы за “глобальный Юг”, *Global Times* отмечает, как «длинна очередь» на вступление в ШОС и БРИКС – организации с преобладающим китайским влиянием. Иран становится полноправным членом ШОС, а Саудовская Аравия обсуждает возможность стать акционером Нового банка развития БРИКС, штаб-квартира которого располагается в Шанхае. Наконец, подали запрос или проявили интерес к вступлению в БРИКС три десятка “развивающихся” стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Пекин, Шанхай и Гуанчжоу – три головы прибрежных суперпровинций Китая, открытых к миру и вооружённых тремя авианосцами, – разыгрывают множество карт.

Июль – август 2023 г.

¹ - Государство, отказывающееся от выбора в пользу одного из двух противостоящих лагерей.